

Александр ПРОХАНОВ

ПЕВЕЦ

Я так пою, что кровь из горла хлещет. Так струны рву, что трескает гитара. Четвёртый месяц мы сжмаем клещи, Жжём танки и сбиваем «Байрактары».

Мы защищаем каждый уголок, Соскабливаем ржавчину с планеты. Я отыскал дымящийся уголёк И прикрутил усталю сигарету.

Мы наступали понемножку. Они сражались, словно звери. Укрепрайон стирая в крошку, Мы шли и множили потери.

Сверепель вид расплавленной брони. Сверепель ствол у самоходной пушки. Сверепель взрывз расколотый гранит. Сверепель дот штурмующие «сушки».

"Мы не сдались, товарищ командир! Мы два часа рубились в окружении!" Он забывался. Из кровавых дыр Текли его последние мановенья.

Белых городов лебязьи стаи Посреди украинских степей. Шли войска, и города взлетали, Превращались в чёрные лебедей.

Стояла вешняя вода. Дымлились груды битой стали. Мы колпцевали города. Они, как птицы, улетали.

Я тот блокнот, где сплелись все страницы, Где каждый стих написан наугад, Где ополченцев солнечные лица И льётся путь свицовой водопад.

Открытых ран кровотечение. Дыра в расплавленной броне. Моих стихов мироточения Весной в облуженной стране.

Я расстрелял второй боекомплект. Был бой впотмах, отчаянный и долгий. Он материл меня. И я ему в ответ: "Пощёл бы ты по матушке, по Волге!"

Глаза без век и без ресниц. Слезящийся взрыв, домов ладенье. Цветущих трав, любимых лиц Его последнее виденье.

Я прожил век. Я сумрачный старик. Я изнемог от лести и коварства. Мне снится сон. Огромный материк Летит в меня, дробя царей и царства.

Лежал на дне машины боевой На обгорелом скожманном матрасе. Был люк открыт. Летели надо мною Враждебных пуль оранжевые трассы.

Его сразила пуля в Приднепровье. Где мы ходили в рукопашный бой. В одном глазу чернела яма крови, Другой сиял, небесно-голубой.

Мой танк горел. Они бежали. Я был им вслед, давил педаль. В палате, в клетчатой пижаме, Я получил мою медаль.

Он был поэт, изысканный новатор. Чеканил слог и рифмою блистал. Но прилетел пятнистый "Аллигатор", Повёл поэму с чистого листа.

Он пил французское вино, Не ведая в плетённом кресле, Что пожуряется на дне Его страны тяжёлый крейсер.

В бортах у кораблей зияют дырки. А по волнам плывут цветы и бескозырки.

Увлял цветник. И русские метели Засыпали букеты алых роз. Страхась зимы, ступил и улетели, Несметный рой сияющих стрелок.

Кто этот вождь, есесильный полководец, Что взял меня в воинственный поход? Я бросил дом, заброшенный колодец, Моих детей сиротский хорювец.

Тот празднство, тот остроумный спорщик. А тот толпу забавлял не устал. Но прячется за дверью заговорщик. Его рука впотмах сжимает сталь.

Иль дни его бесславно утекут, Бездарное лицо в тумане канет. Иль именем его столицы нарекут И лик его на бронзе отчеканят.

Мы строили имперские дворцы. Мы возводили храмы и казармы. Вставали наши деды и отцы В ряды своих непобедимых армий.

Из века в век, другого не дано, Растили хлеб, молились и сражались. На пелелища сыпали зерно, И снова поднимались урожаи.

Ударил час, и мир сорвал личину. И чайные пророка воплотилось. Пришла вода. Всплывает из пучины Чудовищный России Наутилус.

Ушли на дно Аляска и Флорида. Горели льды и плавились пески. То русская всплыла Атлантида Из океана крови и тоски.

Страдая от жестоких ран, Отчаянно, с размахом, Идёт Россия на таран, Рвёт на аруды рубаху.

Захлопнуть, не прочтя, наскучившую книгу, Грядущего не ждать, о прошлом не жалеть. Мне всё равно куда — в Антверпен или в Ригу. Сажусь на бэтээр, надев бронжилет.

Мне снятся сны, тяжёлые, как взрывы. Что я лежу на берегу реки. Из городов выходят молчаливо Безглазые глухие старики.

Я в окруженьи! Я один! Прощай, комбат! Прощай, ребята! Расстрелян "крайний" магазин. Осталась "крайняя" граната.

Бог войны был далеко и рядом. Был во мне и в небе голубом. Я молился пулям и снарядам, Падал ниц перед разрывом бомб.

Лежал под той сосной высокой. Река, блестящая, как ртуть. Струя гранатового сока На забинтованную арудю.

Чтоб не сталил меня ракетный пламень, И не засыпал взрыв армадой тяжкой, Я вспоминал платок цветастый мамин И бабушкину голубую чашку.

Мой ум померк от стонов и проклятий. Завалена убитыми Каховка. Так страшно вырывалась из объятий Попавшая под "грады" группировка.

Её, как платье старое, кроили И резали, как свадебный пирог. Она завалась козла-то Украиною. Теперь её в кривой скрутили рога.

Кругом спецназы и нацбаты, Гумкоридоры, аумкавои. В церквях клочки кровавой ваты, Дитя с пробитой головою.

Я в первых шёл рядах. Мы возводили храмы и казармы. В горящих городах С потухшими очами.

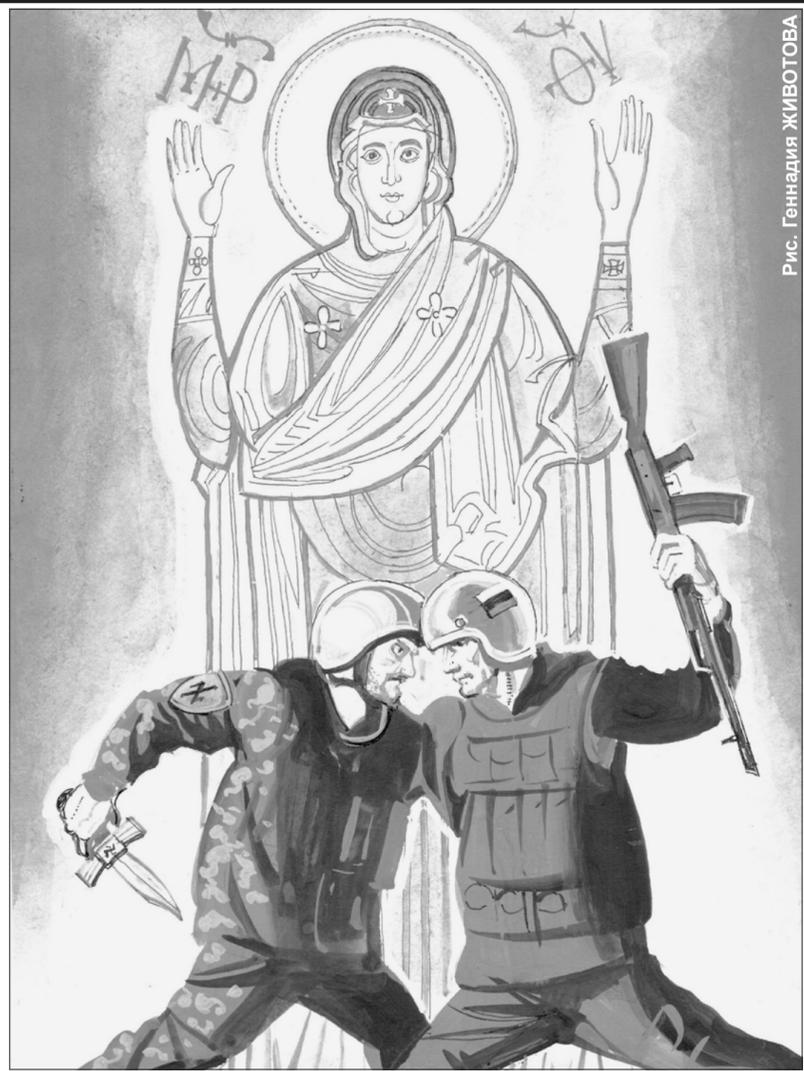

Рис. Геннадия ЖИВОВОТА

Я размотал бинты израненного тела, Я пролетел сквозь белый потолок. Потом моя душа сквозь облако летела. Был путь её прекрасен и далёк.

Не всякий раз я успеваю молиться. Лишь взглядом в небе помощи искал. Там загоралась тихая зарница, И пуля пролетала у виска.

Я слышу смерть. Она блуждает рядом. Ей для меня всегда открыта дверца. То позовёт ракетой и снарядам, Или окликнет перебоем сердца.

На правом фланге билась бэтээр, На левом догорал побитый танк. Я не запомнил имя офицера. Был из Москвы убитый капитан.

Нашли гармошку в сельском клубе. Играют. Я лежу картошкой. В ночном костре дымятся клубни И догорают головешки.

В саду укрылась бронегруппа. В сиренях лепи соловьи. На башнях сумрачно и грубо В заре белели буквы "ви".

Несносна боль, невыносимо жёгенье. Осколок перерезал связку жил. Мой Президент послал меня в сраженье. Мой верный друг из боя выносил.

Когда придёт блаженный мир, Победы пламенная дата, Нальём неразведённый спирт, Помянем русского солдата.

Россия, Русь! Хвала тебе, хвала! В твоих глазах лазурь небесных сфер И отблеск воронёного ствола, И слёзы нескончаемых потерь.

В Святой Софии Златодева. Войду и припаду к стопам. И выпью, в завершенье дела, Победы огненный стакан.

«Но главное, знаешь ли что? Лёгкое дыхание!» Иван Бунин Черноволосая женщина в платье, напоминающем японское кимоно, смотрит на нас из глубины столетия. Восточная экзотика была на пике популярности, а наряды а la japonaise сделали актуальными после романа Пьера Лоти "Госпожа Хризантема", где повествовалось о любви французца и японки. Типаж модерна — это темноволосая красавица, как Валентина Куза, "Неизвестная" Фёдора Боткина и целый ряд открыто-модельных бронеток, щедро явленных на экспозиции. "Тихо я в тёмные кудри вплетаю / Тайных стихов драгоценный алмаз", — писал Александр Блок. Женщина-загадка — это непременно глаза-омуты и смоляные волосы. Чёрный цвет — символ драмы, тайны, самоотречения. Профиль Ахматовой с картины Ольги Делла-Вос Кардовской — это древние поверья и шик египетской царицы. Её супруг — Николай Гумилёв (а Кардовская написала диптих) смотрится рядом, как буржуа с бутоньеркой и воротничком атласа, делающий шею изысканно-длинной, акурат как у жирафа из гумилёвских строк. Поэзия соседствовала с кафешантаном, варьете, романсами о пранной розе. Мелькают малознакомые и вовсе не знакомые фамилии, но вот — звезда Анастасия Вяльцева, памятная по сию пору. Её любви и презирали. Её слушали гении. От неё отворачивались снобы. Она вызывала неподдельный восторг и явное раздражение. Крестьянская дочь, она выходила на сцену, увешанная драгоценностями. О её дурном вкусе шептались графини, имевшие на то право. По этикету всё золото-бриллианты одновременно — мовлет.

ИЗЯЩНО И ЛЕГКО

«Лику модерна» в Третьяковке

Ей посвящали стихи. "В том краю тишина бездыханна. / Только в гуще сплетённых ветвей / Дивный голос твой, низкий и странный / Славит бурю цыганских страстей", — это Блок. Прекрасную и ужасную Вяльцеву пародировали и высмеивали, но сознавали — она уникальна в таланте и безукоризне. На экспозиционном стенде — афиша, где большими буквами сказано: "Примадонна". Узнаваемое платье, в котором она позировала для почтовых открыток; силуэт "русалка" — юбка плотно схватывает бедра и ноги до самых коленей, после чего резко расширяется, создавая оборками вид "русалочьего хвоста". Вяльцева обладала пикантными формами с изумительно тонкой талией, сыла прелестью, а гимназисты писали ей длинные письма. Умерла она в расцвете карьеры от редкого в ту пору онкологического заболевания. Столь же глубокий шок общество испытает лишь спустя несколько лет на похоронах Веры Холодной.

ИМЯ ХУДОЖНИКА Николая Ульянова сейчас малоизвестно, тогда как в начале прошлого века то был востребованный портретист, водивший дружбу с негоциантами и получавший дорогие

международной автомобильной выставке, проходившей в Москве в 1908 году. Как обычно, в центре внимания дамочка в шляпке и, как советовал всё тот же Северянин: "Ножки плодом закутайте дорогим, ягуаровым, / И, садясь комфортабельно в ландолетте бензиновом, / Жизнь доверьте вы мальчику в макинтоше резиновом, / И откройте глаза ему Вашим платьем жасминовым". Устремлённость в "бензиновое" грядущее радовала не всех — само понятие "модерн" таит в себе множество странностей, одна из которых — эстетизация прошлого. Модерн — оксюморон, потому что ни до, ни после не наблюдалось такого истового поклонения архивке. Несмотря на то, что дореволюционную Россию принято считать неграмотной да лапотной, на выставке можно увидеть ярчайшее опровержение этого тезиса — подлиску на различные издания, в том числе "Ниву". Этот журнал, кроме серьёзных материалов, включая остроосвременную литературу, выдавал эффектные иллюстрации, благодаря чему его аудитория была широка. Острия поспеивались, что глумец выписывает "Ниву", дабы вырезать из неё картинку. Плакаты, оповещающие о подлинке, — шедевры нашего дизайнера, который ничуть не уступал французскому или даже американскому. В рекламе трудились большие мастера, например, Сергей Судейкин, никогда не брезговавший обложками прессы, буклетами и постерами, и если в той же Америке живописцы и дизайнеры изначально разделялись на два "подкласса", то в России любая знаменитость могла набросать эскиз для афиши. И так, на экспозиции представлены сочные, бешеные рисунки Судейкина, сотрудничавшего с театром-кабаре "Летучая мышь" и оформлявшего поэтические вечера. Наши художники умели быть разными: и серьёзными, и отвязными. Отдельным пунктом — красочные приглашения на маскарады, которые устраивались повсеместно и были вносословны, в отличие от дворцовых мероприятий вроде знакового Бала 1903 года, когда весь бомонд оделся по древнерусской моде. Потом этот бал "по-русски" был повторён в дворняжских и купеческих собраниях, а также в "народных домах" для сознательных пролетариев. Карнавальные вообще свойственна модерну с его причудами и страстью к переодеваниям, и в модных журналах рассказывалось, как пошить костюм Пьеро или Феи, соорудить рыцарский доспех, а то и вовсе неожиданный костюм. Во всём — эфирность бытия, казавшаяся уже тупиковой, и Серебряный век в муках породил Революцию. Буквицы утратили плавность. Виньетки стёрлись. Барышни с лёгким дыханьем переоделись в кожанки, а Игорь Северянин пропонал: "Как хороши, как свежи будут розы! / Моей страной мне бронзовые в гроб!" Эта выставка ещё и о том, что было утрачено в жестоком вихре. Колоссальные тектонические сдвиги произошли во всём мире и не всеми они понравились.

Галина ИВАНКИНА

Кьеца Джульетто, Глушик Екатерина. Запад. Приватизация планеты. — М.: Наше Завтра, 2022. — 400 с.

Эта книга статей и бесед известного итальянского журналиста, политика и общественного деятеля, "изборца" Джульетто Кьецы (4 сентября 1940 — 26 апреля 2020) готовилась Екатериной Глушик к его 80-летию, но увидела свет лишь сейчас. Джульетто Кьеца два десятка лет жил и работал в России, по-настоящему знал и любил нашу страну, наши язык и культуру, считал уничтожение СССР катастрофой всемирного масштаба, после которой весь мир во главе с США изменился в худшую сторону. Маркером таких изменений стали события 11 сентября 2001 года, которым Кьеца посвятил свою всемирно известную книгу "Zero", разоблачающую эту чудовищную провокацию, исполненную американскими силовыми структурами по заказу их "хозяев" и ставшую символом конца "свободного мира". Ещё в 2004 году он говорил о том, что катастрофа Советского Союза стала прологом к катастрофе США и всего мира, поскольку "единственная сверхдержава, оставшаяся на планете, которая превращает по мощи все государства, вместе взятые, решила установить новую систему норм, которые сама диктует". Сегодня мы видим наглядное подтверждение этих слов, с той только разницей, что США даже вместе с европейскими "союзниками", утратившими свою идентичность и суверенитет, больше не являются уникальной по мощи державой. Вызов этой коллективной Америке бросил не только российско-китайский союз, но, по сути, всё человечество, не желающее превратиться в потребляемый и уничтожаемый западными "хозяевами" биоресурс. Такой же как нефть или зерно. Этот процесс идёт по отработанной схеме: "Тысячи организаций — центральные банки разных стран, инвестиционные банки — печатают ничем не обеспеченные деньги и выпускают ценные бумаги, деривативы, на которые и скупают природные ресурсы Земли, то есть в буквальном смысле присваивают планету". В апреле 2020 года в своём последнем интервью для газеты "Завтра" Джульетто Кьеца, отвечая на вопрос о пандемии COVID-19, отметил: "Кто-то строит нам новый мир... где несколько миллиардов людей будут, по существу, заключеными ми... Это новая форма глобализации: все люди будут под контролем, всем людям будут недоступны свободы, самостоятельные действия..." Оценки "умнейшего мужа Европы", как охарактеризовал Кьеца в предисловии к этой книге известный писатель Юрий Поляков, не утратят своей актуальности ни сегодня, ни завтра.

Ливри Анатолий. Системный антибелый расизм или массовая ликвидация белых народов. — М.: Наше Завтра, 2022. — 288 с.

Как отмечает в предисловии к этой книге создатель ДНК-генеалогии профессор Анатолий Клёсов, "она необычна для двух аудиторий: тех, кто живёт на (обобщённом) Западе, и тех, кто живёт на Востоке (в сторону от Западной и Центральной Европы), в частности (и в особенности) для жителей Российской Федерации". Необычность эта обусловлена не только темой растущей политкорректности/толерантности западных обществ относительно приоритетности прав "меньшинств": расовых, этнических, конфессиональных, "гендерных", — сколько тем, что автор на широком и, честно говоря, жутком фактическом материале пытается найти общую причину данного процесса. И находит её в ставке на глобальный регресс цивилизованного сообщества, сделанной "хозяевами" нынешнего коллективного Запада ещё в 60-е годы XX века, после первого полёта человека в космос. Речь идёт уже не о сознательном торможении прогресса, а о намеренном уничтожении самой возможности вернуться к "матрице" творческого развития, которая была свойственна нашей цивилизации на протяжении всей её истории. Пока это — преимущественно качественное уничтожение, которое направлено на снижение уровня знаний и умений, на трансформацию традиционных систем ценностей во всех странах и народах современного мира ("культура отмены"). Но когда в этом отношении будет достигнута "точка невозврата", анонсировано и количественное уничтожение человечества путём болезней, войн, голода и т. д., — жертвами этого обречены стать многие миллиарды людей. То, что произошло на Украине после победы "евромайдана", — наглядная иллюстрация и репетиция этого рукотворного апокалипсиса. Такая же, как недавняя история BLM-движения в США и более широкая — ЛГБТ-движения на Западе в целом. Поддержка всех "униженных и оскорблённых" осуществляется не с целью обеспечить им возможности для развития и прогресса, а с целью предоставить им возможность уничтожить всё, что выше их текущего культурного уровня, и опустить ещё ниже. Книга Анатолия Ливри точно указывает на глубинные причины нынешней русофобии коллективного Запада. "Системный антибелый расизм (русофоб в том числе) — тип антропологического регресса. Такой деградант тотально не способен менять своё мнение, адаптироваться к новой ситуации", — пишет автор.

